

ЖИВЫЕ ОТГОЛОСКИ СУРОВОЙ ИСТОРИИ

Издано
в Мурманске

— Не кажется ли вам, что автор в ряде случаев отступает от истины: обитающим в северных водах акулам он приписывает не свойственные им коварство и жестокость... Неграмотный лопарь у него превращается в высокоумного философа, а реально существовавших исторических лиц автор, мягко говоря, несколько идеализирует...
(Из читательских откликов на роман «Кола».)

ман Б. В. Полякова и научно-исторический очерк И. Ф. Ушакова и С. Н. Дашинского.*

Известному событию в истории старого русского города — нападению в 1854 году английского корвета «Миранда» — в очерке отведено двести с небольшим страниц, под пером романиста оно выросло в 500 страниц увлекательного повествования.

Впрочем, сказать о романе, что он посвящен героической обороне древней Колы, — сказать слишком мало. Драматически острое событие дало Б. Полякову возможность поведать о величии духа русских людей,

* Поляков Б. «Кола». Мурманск: Кн. изд-во, 1983. Ушаков И. Ф., Дашинский С. Н. «Кола». Мурманск: Кн. изд-во, 1983.

идущих на исполнение долга — как они его понимают. «Кола должна остаться русской. Иначе жизнь нельзя оправдать. И простить... себе нельзя будет», — размышляет один из героев романа.

Нет событий без людей. Изучая историю края, Б. Поляков искал в ней людей деятельных, активных, — это определило выбор главных персонажей. На них, как на надежных опорах, стоит роман, через их мысли и действия выявляется гражданская позиция автора. (У некоторых действующих лиц, кстати, есть свои реальные прототипы, оставившие след в истории, — горнодобывающих, офицеры, старые коляне). Перед нами отнюдь не носители отвлеченной авторской идеи, а живые, с

плотью и кровью, люди. Характеристики их даны в развитии, в нравственном очищении и утверждении. Не назовешь этих людей «рыцарями без страха и упрека» — свойственные им и сомнения, и колебания, но одержимы они не мелкими заботами и прерывше всего дорожат в себе собственным достоинством.

Волею автора скрестились в романе судьбы необычные. «Слабый он — пытанный», — говорит Андрей о сотоварище своем по ссылке Смолькову.

«Пытанный» — этим сказано много. Это особый, автором данный ключ к пониманию характера. Пытанный и он сам, Андрей Широков, крепостной, «с колыбели предназначенный в солдаты», но не выдержавший шагистку, битые нулаками в лицо, наглую ухмылку унтера, Беглый и битый, он надолго запомнил жгучую боль шпичрунтовок. Кажется, сломали человека, лишили доброго имени. Таким предстает Андрей в первых страницах романа.

Сломлен и горючий Шешелов. Он «пытан» иным — страхом унижения, духовным отступничеством, стыдом соотечественников, с которым так и остается в романе (и в бесславной своей жизни) человеком без имени, предателем. А ведь был умелым, ловким, по-своему одаренным.

Роман населен густо, кий человек, и не такие меняли убеждения...» — но утешения в оправдании не нашел. Вернуть право на уважение к себе — эта потребность вырывается в нем постепенно, не сразу. И не бесплодные, в тиши теплого кабинета и любимых книг, размышления возвращают ему нравственный стержень, а необходимость действия, поступка. Убежденность — только она дает силу. «Надо считать себя в государстве деятелем» — слова Петрашевского обретают для опального горючего вполне конкретный смысл, когда приходит его час и нужно решать: быть или не быть Коле русским городом.

Андрея Широкова поднимает до подвига другое: мечта о новой жизни, о вольнице и то чувство Родины, которое он ощутил именно здесь, в Коле: «В какой красоте мать-Россия начинается... Шапку охота снять, поклониться».

Пытанные насилием, они освобождаются в час испытания духа (оба слова, кстати, одного корня — для пытливого читателя это тоже о чем-то говорит). Каждый из них возвращает себе доброе имя: сыльный — в соблазнах колян, Шешелов — в собственном к себе уважении. Но не всякому дано такое: «пытанный» Смольков так и остается в романе (и в бесславной своей жизни) человеком без имени, предателем. А ведь был умелым, ловким, по-своему одаренным.

Роман населен густо,

плотно. Автор обладает несомненным даром перевоплощения, это помогает ему добиваться резкой типажности. Чиновники, купцы, ремесленники, поморы — представляя вполне определенные сословные категории, они живут в романе свободно, естественно, каждый написан «наособицу».

Кузнецы — братья Лоушкины — «будто нагоряче молотами скованы», крепкие, надежные, на таких земля держится. Священник, отец Иоанн, — начитанный, охочий до споров; ведет себя кольский благочинный как человек мирской, которому все земные соблазны понятны и объяснимы. Кир Герасимов — помор нового типа — вынашивает планы освободиться от архангельских перекупщиков и иноземцев, которые цепко держат в руках торговлю на Мурмане. Нюшка — озорная и нежная, строптивая и преданная, гордая своей особой, «кольской», независимостью. Норвежский промышленик Суллъ — «Акулье Смерть» — глубоко, ду-

шой понимает беды и заботы колян...

У каждого персонажа — свой неповторимый характер. И все эти судьбы словно бы стекаются в одной — судьбе русского города, горевшего и не сгоревшего, не склонившего головы перед завоевателями.

События разворачиваются на широком фоне жизни Колы середины прошлого века. Вчитываясь в роман быстро, вживаешься в эпоху — и тебя захватывает вкус и аромат быта, написанного плотно, живописно. Эта способность «жить в прошлом» — завидное свойство автора. Не описательство, не до тошноты и добросовестное собирание примет старины, а именно ощущение живой исторической плоти, воссоздание свободного хода жизни.

Все здесь осязаемо, горячо. И вечерка у тетки Матрены, захватывающая многоцветьем и пластичностью; и сцены работы в кузне, эпизоды акульего промысла; гордской сход, многоголосый,

умело «расписанный» по ролям, где явственно просматривается социальное расслоение колян; сурово и строго воссозданный суд стариков, буйство дикой природы лопарского колдуна — нойды Афирмия... И всюду внимание автора сосредоточено не на внешней стороне, каждый эпизод — новый сюжетный узел.

Литератора, взявшегося за историческую тему, подстерегает близкий соблазн языковой стилизации. Надо иметь своего рода чутье, особый «слух», чтобы, во первых, «попасть» в слог, найти достоверный строй речи, отвечающий колориту времени, и притом — не нарушая чувства меры — оставаться современником читателя, говорить с ним на одном языке.

Б. Поляков не оказался в плену старинного слога исторических документов (хотя перечел их, надо думать, немало), он достаточно легко и свободно переходит к повествованию от собственного лица. Введенные в текст подлинные до-

кументы не смотрятся инородным телом, а органично воссоздают атмосферу времени.

Беллетристика соседствует в романе с публицистикой — этот прием взят как принципиально важный. Отступления в историю расширяют границы повествования, дают любопытную информацию и материал «к размышлению». Авторские раздумья порождены стремлением установить внутренний, поэтический контакт с сегодняшним читателем и героем, разделенных во времени. В голосе автора мы все время слышим любовь и уважение к людям, в которых накапливается сила для будущего. Людям, что сами свою избрали судьбу, «как ее избирали жившие до них в Коле, без подсказок и понуждений, предвидя удел наперед и свой, и... дорогого им города».

Вглядываясь в даль минувшего, автор рассмотрел их — наших предков, «далеко временем предваривших нас». Это очень важно: в предках почувствовать предшественников, в современниках — понять продолжателей, наследователей. Через людей, их мысли и чаяния и лежит этот мостик, соединяющий прошлое и настоящее.

Роман «Кола» — первое

художественное произведение автора-мурманчанина об историческом прошлом нашего края. Автору пришлось во многих случаях идти по «целине». К тому же это — вообще первая книга Бориса Полякова. А первая книга, пожалуй, точнее всего дает представление о силе и слабостях литератора.

Привлекательна позиция автора, глубоко изучившего исторический материал, давшего свою интерпретацию прошлого и сделавшего это живо, занимательно.

Неопытность же литературная сказалась в первую очередь, в несоразмерности разных частей повествования, в неравномерности развития действия: оно порой задерживается на месте, а потом прокручивается излишне стремительно, некоторые нити оказываются неожиданно оборванными (эпизод последней охоты старого Проней слишком яркая и значительная по мысли, чтобы остаться проходным «вставным» куском в ткани романа). Справедлив, пожалуй,

упрек в некоторой идеализации героев (либерально настроенный Шешелов, дальновидный старик Герасимов, спорщик благочинный). Несомненно, автор волен, пропуская характеры через «горнило» воображения, освобождать их, подчинять своему замыслу — но каждая из исторических фигур все же порождение своего, весьма конкретного времени.

И уже не к автору, а к издателям можно обратиться такой упрек: читателю явно недостает в книге развернутой справки об авторе. Ведь он — наш земляк, мурманчанин, человек не пришлый, не случайный на Кольской земле. До того, как стать уверенным, Борис Викторович Поляков немало поездил по стране, пробовал себя в разных профессиях. Как и почему рождается книга? — у каждого литератора, наверное, свой путь. А эта книга могла появиться не только в результате изучения конкретных документальных материалов, но как сплав большого жизненного опыта и глубоких, неравнодушных раздумий о том, чем жив человек. Не случайно же автор, отсылая нас к старинной мудрости, зовет чаще смотреться в зеркало похвальных деяний наших предков.

С. ПОПОВА.